

РУКОВОДСТВО для СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 42.

1870 года. Октября 18-го.

Содержаніе: Слово въ недѣлю 20-ю по пятидесятницѣ. — Древне-христіанскій религіозный символизмъ. — О развитіи воли у дѣтей. — Библиографическая замѣтка — Обнаруженіе всесвѣтнаго обмана.

СЛОВО

въ недѣлю 20-ю по пятидесятницѣ.

«Видя вдовицу зѣльнѣ плачущую, Господи, якоже тогда умилосердился, сына ея на погребеніе несомъ воскресилъ еси: сице и о мнѣ умилосердися, Человѣколюбче, и грѣхамъ умерщвленную мою душу воскреси». *Акаѳ. Иисусу Сладчайшему. Конд. 2.*

Въ галилейскомъ городѣ, Наинѣ, у одной вдовицы умеръ единственный сынъ, на котораго она возлагала всѣ надежды. Уже износили умершаго изъ города на погребеніе; несчастная мать, сопровождаемая множествомъ народа, шла за гробомъ въ слезахъ и отчаяніи. Въ то самое время приближался ко вратамъ города Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, въ сопровожденіи учениковъ и множества народа. Увидѣвъ плачущую вдовицу, Спаситель сжалился надъ нею

и говорить ей: *не плачи*. Затѣмъ, подойдя, коснулся въ одру умершаго. Когда несшіе одръ остановились, Онъ сказалъ: *иоанне, тебѣ глаголю, возстани*. И мертвый поднялся, сѣлъ и началъ говорить, и отдалъ его Спаситель матери.

Велико несчастіе, которое постигло было бѣдную напсскую вдовицу; она лишалась единственнаго сына, и ей предстояла самая безотрадная и горькая участь, если бы не поспѣшилъ къ ней на помощь съ великою своею милостію Господь Іисусъ Христосъ. Но, братіе, по смыслу приведенной нами церковной пѣсни, и мы находимся въ такомъ же несчастномъ и опасномъ положеніи, въ какомъ находилась напская вдовица; когда лишилась сына своего, — и что сколько для нея въ то время необходима была особенная сверхъестественная помощь Божія, столько же необходима эта помощь и для насъ. Что это именно такъ и отъ чего такъ, видно изъ словъ, которыя влагаешь въ уста наши св. Церковь. »Ты, Господи, такъ научаешь она каждого изъ насъ молиться къ Сладчайшему Іисусу, Ты, Господи, умилился, видя горько плачущую вдовицу, и воскресилъ сына ея на погребеніе несомъ: сице и о мнѣ умилился, Человѣколюбче, и воскресилъ умерщвленную грѣхами мою душу«. Опасность, указуемая намъ Церковію, даже гораздо больше той, въ которой находилась напская вдовица: у ней сынъ умеръ смертію тѣлесною, у насъ же душа наша находится въ состояніи смерти духовной. Намъ грозитъ опасность потерять собственную нашу душу, потерять самихъ себя, т. е. погибнуть навѣки.

Конечно кому нибудь, можетъ быть, покажется страннымъ и невѣроятнымъ слышать, что душа у него мертва; однако св. Церковь не напрасно называетъ душу грѣшную умерщвленной, не напрасно научаешь молиться о ея воскресеніи. Есть несомнѣнные доказательства, удостоверяющія,

что дѣйствительно мы, сами того не замѣчая, часто находимся въ крайней опасности навсегда потерять или погубить свою душу, въ опасности умереть для жизни духовной, что у многихъ изъ насъ душа весьма близка къ смерти, а у другихъ она уже совершенно мертва, только еще, если можно такъ сказать, не погребена.

Между нами, братіе, есть не мало такихъ, которые въ точности не знаютъ, почему они называются православными христіанами, — не знаютъ ученія нашей св. вѣры, не знаютъ хорошо обязанностей, возлагаемыхъ на человека Евангеліемъ. Если они считаются православными христіанами, то потому только, что родились въ православной вѣрѣ; если они ходятъ въ храмы Божіи, исполняютъ обряды церковные, то дѣлаютъ это по примѣру другихъ и по привычкѣ. Они не понимаютъ таинствъ, которыя совершаетъ надъ ними Церковь; не разумѣютъ смысла обрядовъ, которые исполняютъ. Словомъ, они не имѣютъ надлежащаго, возможнаго и необходимаго познанія о вѣрѣ и Церкви. Есть еще и такіе люди, которые, по видимому, все знаютъ, все понимаютъ, или по крайней мѣрѣ считаютъ себя всезнающими; но которые не исполняютъ того, что отъ нихъ требуется. Они знаютъ, напримѣръ, что ни къ чему земному не нужно слишкомъ привязываться, дабы не забыть о Богѣ, Который долженъ быть главнымъ предметомъ нашихъ стремленій и желаній: однако, стремясь къ славѣ и богатству, поступаютъ такъ, что кажется радѣ почестей и денегъ они готовы на все, готовы забыть Бога и забываютъ. Они знаютъ, что не должно мстить ближнему за обиду; но когда случится понести имъ отъ кого либо обиду, то исполняются такою злостію, что нѣсколько разъ отмщаютъ за одну и ту же обиду. Словомъ, они знаютъ, что должно любить Бога и ближнихъ, и иногда можетъ быть даже желаютъ имѣть эту любовь, но не имѣютъ. Что сказать о духов-

~~пока существуют тѣло и духовная жизнь. Что же тогда, по~~
 чемъ обнаруживается жизнь души ихъ?—Какъ жизнь нашего
 тѣла обнаруживается въ движеніи и многоразличныхъ ви-
 димыхъ дѣлахъ; такъ жизнь души состоитъ въ вѣрѣ въ
 Бога, въ познаніи предметовъ религіозныхъ и въ любви къ
 Богу и ближнему. Гдѣ мы не видимъ этихъ признаковъ
 духовной жизни или видимъ не всё, тамъ нѣтъ и самой
 жизни или она подавлена и раскрывается неправильно и
 слабо,—тамъ душа, если еще не умерла, то близка къ смерти
 и подобна тому тѣлу, которое, будучи поражено тяжкою бо-
 лѣзнію, хотя еще продолжаетъ жить, но уже лишено дви-
 женія и неспособно къ обыкновеннымъ своимъ дѣламъ.

Есть много такихъ людей, которые не сознаютъ и не
 чувствуютъ особенной для себя потребности въ молитвѣ,
 въ таинствахъ Церкви и въ словѣ Божіемъ. Они очень
 рѣдко приходятъ въ церковь на общественное богослуженіе,
 очень рѣдко и дома становятся, если только становятся
 когда нибудь, на молитву. Очень рѣдко и очень неохотно
 приступаютъ къ таинствамъ Церкви. Въ св. біблію развѣ
 черезъ нѣсколько лѣтъ случайно заглядываютъ. И кажется
 имъ, что чрезъ это ничего они не теряютъ, ничего не лиша-
 ются. Жива ли душа у такихъ людей? Можетъ быть жива;
 но только жизнь ея похожа на жизнь того тѣла, которое
 въ болѣзни изнемогло до того, что уже не принимаетъ пищи
 и не чувствуетъ надобности въ ней: потому что слово Божіе,
 молитва, таинства Церкви—это такое же необходимое условіе
 для жизни души, какъ пища для жизни тѣла. Тѣло, не при-
 нимающее пищи, весьма недолго можетъ прожить; такъ и
 душа, потерявшая чувство потребности въ духовной пищѣ,
 весьма-весьма близка къ смерти.

Есть люди, которыхъ душа рѣшительно ничѣмъ не да-
 етъ имъ себя чувствовать, ничѣмъ не даетъ о себѣ знать.
 Обыкновенно они ѣдятъ, пьютъ, занимаются предметами

мірскими; но имъ не приходитъ въ голову подумать, есть ли у нихъ душа и что такое душа. Если неожиданно предложить имъ такой вопросъ, они не знаютъ, что отвѣчать. По настоящему они должны отвѣчать, что у нихъ нѣтъ ничего кромѣ тѣла, нѣтъ души; ибо они ни въ чемъ не замѣчаютъ ея въ себѣ, не находятъ, не чувствуютъ. А если они отвѣчаютъ утвердительно, что у нихъ есть душа; то дѣлаютъ это на томъ только основаніи, что они люди подобные другимъ: у другихъ людей есть душа, слѣдовательно и у насъ должна быть. Подобные люди есть даже между образованными. Какъ образованные, они часто разсуждаютъ вообще о человѣкѣ и о себѣ самихъ. Но не находя въ себѣ ничего такого, въ чемъ бы явно открывалось присутствіе, дѣйствіе и жизнь души, они приходятъ къ пагубной мысли, что человѣкъ состоитъ изъ одного тѣла, что онъ животное, что у него нѣтъ никакой особенной души, которой бы онъ отличался отъ прочихъ земныхъ животныхъ. Что же? Уже ли въ самомъ дѣлѣ у этихъ людей нѣтъ души? Это невозможно. Почему же они ея не замѣчаютъ, не чувствуютъ? Потому что она у нихъ не только не дѣйствуетъ, но и не живетъ; потому что она мертва. Человѣкъ, у котораго нога или рука поражена параличемъ, весьма легко можетъ придти къ убѣжденію, что у него все нѣтъ ноги или руки; препятствуютъ тому только глаза. Это отъ того, что въ пораженномъ членѣ прекращается всякое чувство, всякая жизнь. Точно такимъ образомъ иные приходятъ къ убѣжденію, что у нихъ нѣтъ души; и это показываетъ только то, что она у нихъ находится въ омертвѣломъ состояніи.

Итакъ, братіе, у многихъ изъ насъ нѣтъ тѣхъ плодовъ, тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ обнаруживается духовная жизнь; у иныхъ не только нѣтъ плодовъ духовной жизни, но нѣтъ и стремленія къ той благодатной пищѣ, которою

поддерживается жизнь души; у иныхъ нѣтъ и плодовъ духовныхъ, нѣтъ и потребности въ духовной-пищѣ, нѣтъ на-
 конецъ и самаго чувства или сознанія духовной жизни. Кто
 же дастъ силу и жизнь нашимъ душамъ? Кто выведетъ
 ихъ изъ мертвеннаго состоянія? Кто оживотворить ихъ? Къ
 тебѣ, Сладчайшій Иисусѣ, обращаемся, къ Тебѣ, единый
 Подателю и Источнику жизни всего существующаго; Ты
 умилосердился надъ плачущею вдовицею и воскресилъ сына
 ея, несомъ на погребеніе: умилосердися и надъ нами и вос-
 креси умерщвленные грѣхами наши души. Ты послѣдшилъ
 на помощь наинской вдовицѣ въ то самое время, когда из-
 носили сына ея на погребеніе, — Ты всегда приходишь туда,
 гдѣ нужны Твое утѣшеніе и помощь. Послѣдши къ намъ съ
 твоего благодатною помощію, послѣдши поднять и оживо-
 творить наши души, послѣдши, пока мы не умерли вѣчною
 смертію. Аминь.

Священникъ *Александръ Громаковскій*.

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВО- ЛИЗМЪ ¹⁾).

Д о б р ы й П а с т ы р ь.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ СПАСИТЕЛЯ НА ДРЕВНЕ-ХРИСТИАН-
 СКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

На библейскомъ языкѣ дѣйствія божественнаго прови-
 дѣнія о людяхъ почти всегда представляются подъ образами,
 взятыми изъ пастушеской жизни. Богъ, по представленію
 библейскому, есть пастырь, а весь міръ—какъ бы большой
 овчій дворъ (Иезекіил. 30, 4. Псал. 22). Но особенно эти
 образы употребляются въ ветхомъ заветѣ для означенія

¹⁾ См. № 40—й.

Мессіи и той искупительной жертвы, которую Онъ имѣлъ принести собою на крестѣ за родъ человѣческій (Іезекіил. 34, 23 и далѣе). Тѣ же образныя представленія объ искупленіи людей, естественнымъ образомъ, перешли изъ ветхаго завѣта въ новый, и преимущественно въ языкъ притчей, въ которыхъ Спаситель самъ изображаетъ себя, какъ идеалъ, или образецъ добраго пастыря: *Азъ есмь пастырь добрый*, говоритъ Онъ, *и знаю моя (овцы) ... и душу свою полагаю за овцы. И нынѣ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единый пастырь* (Іоан. 10, 14—16). Отсюда подобныя иносказательныя выраженія употребляли для означенія Спасителя и многіе изъ древнихъ отцевъ и учителей Церкви. Такъ св. Климентъ александрійскій называетъ Спасителя то *пастыремъ царскихъ агнцевъ*, то *пастыремъ разумныхъ овецъ*. Св. Аверкій, епископъ іераплійскій, жившій во время Марка Аврелія, въ эпитафіи, имъ самимъ составленной для себя заранѣе, называетъ себя *ученикомъ чистаго и непорочнаго пастыря*...

Послѣ этого весьма естественно, что христіанскіе художники воспользовались этими данными для того, чтобы создать одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ дорогихъ для христіанина образовъ *добраго пастыря*: этотъ образъ, освященный употребленіемъ его въ священномъ писаніи и у отцевъ Церкви, освященный самимъ Іисусомъ Христомъ, назвавшимъ Себя пастыремъ добрымъ, полагающимъ свою душу за овцы, живо и наглядно напоминалъ вѣрующимъ о божественномъ искупленіи Спасителя, съ неба пришедшаго взыскать и спасти заблудшую овцу чловѣческаго рода. Поэтому изображеніе пастыря было однимъ изъ самыхъ древнихъ символическихъ образовъ, какіе только встрѣчаются на памятникахъ христіанскаго искусства, и самымъ обще-

употребительнымъ и народнымъ. По свидѣтельству Тертуліана, онъ уже въ его время служилъ украшеніемъ священныхъ и простыхъ сосудовъ ¹⁾. Кромѣ того, въ катакомбахъ есть изображенія пастыря, которыя, по свидѣтельству археологовъ, относятся даже ко II вѣку ²⁾, каково, напримѣръ, изображеніе пастыря, открытое археологомъ Во-зіо. Что же касается до общеупотребительности означеннаго образа, то не говоря уже о Римѣ, этотъ символическій образъ встрѣчается въ Галліи, въ Африкѣ, даже въ кирпичномъ подземельи, и повсюду въ другихъ мѣстахъ, и притомъ на всѣхъ родахъ памятниковъ, въ фрескахъ на кладбищахъ, на глиняныхъ лампахъ, въ барельефахъ саркофаговъ, на стѣнахъ катакомбъ, на надгробныхъ камняхъ, золоченыхъ сосудахъ, на кольцахъ, въ рѣзбѣ на камняхъ и проч.... Такимъ образомъ, символическое изображеніе пастыря, представляясь глазамъ вѣрующихъ повсюду, куда бы они ни взглянули, служило для нихъ какъ бы олицетворенною и самую краснорѣчивую проповѣдію о тѣхъ неизмѣримо великихъ благодѣяніяхъ божественнаго искупленія, вслѣдствіе которыхъ заблудшее человѣчество снова возвращено во дворъ овчій, — или о той безконечной любви и милосердіи Сына Божія, по которой Онъ благоволилъ сойти съ неба, чтобы взыскать и спасти человѣка-грѣшника.

Кромѣ того, образъ *добраго пастыря* служилъ символическимъ выраженіемъ пастырской ревности о спасеніи душъ и кроткаго снисхожденія, на что можетъ указывать, между прочимъ, архіепископская мантия, первоначально имѣвшая на себѣ изображеніе пастыря, замѣненное потомъ изображеніемъ бреста. Съ тою же цѣлію напоминанія о пастырской ревности въ дѣлѣ спасенія вѣрующихъ вошло въ первенствующей Церкви въ обычай-читать въ началѣ со-

¹⁾ De pudicit. VII. и X. ²⁾ Dictionnaire... Martigny, pag. 514.

борныхъ засѣданій евангельскую притчу о *добромъ пастырѣ*. Хотя положительное свидѣтельство объ этомъ обычаѣ восходитъ не далѣе, какъ къ XIII вѣку, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ существовалъ въ Церкви со временъ давнихъ.

Наконецъ, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, образъ пастыря служилъ еще символическимъ указаніемъ на будущее воскресеніе и всеобъемлющую силу, или дѣйственность божественнаго искупленія. Мысль о будущемъ воскресеніи естественно должна была явиться при взглядѣ на образъ пастыря, который какъ бы такъ говорилъ вѣрующимъ, скажемъ словами блаженнаго Іеронима: »не бойтесь жертвовать для Бога этимъ смертнымъ тѣломъ, ибо нѣкогда тотъ самый, кого вы здѣсь созерцаете подъ видомъ пастыря, придетъ во всемъ Божественномъ величій своемъ воззвать его снова къ жизни безсмертной«. Чтобы постоянно имѣть въ душѣ своей такую спасительно-утѣшительную мысль о воскресеніи, которая необходимо возникаетъ при взглядѣ на образъ пастыря,—чтобы облегчить такимъ образомъ скорбный путь настоящей жизни, первенствующіе христіане носили при себѣ разныя вещи съ изображеніями, которыя могли бы имъ напоминать о столь утѣшительной мысли. Такъ на одномъ драгоценномъ камнѣ, который, по всей вѣроятности носили на шеѣ вмѣсто амулета, или по объѣту (*ex voto*), что можно заключить по кольцу, придѣланному къ камню, изображенъ судъ такимъ символическимъ способомъ: пастырь въ своей обыкновенной пастушеской одеждѣ стоитъ въ положеніи молящагося и держитъ руки надъ агнцемъ, изображеннымъ отъ него направо, и надъ козломъ, который изображенъ по лѣвую сторону,—оба животныя стоятъ съ наклоненною головою, какъ бы въ ожиданіи своего приговора. На оборотной сторонѣ камня вырѣзано имя владѣтельницы его. Тѣ же самыя мысли о вос-

кресеніи въ связи съ представленіемъ о символическомъ образѣ пастыря можно видѣть также въ древнихъ западныхъ литургіяхъ.

Что касается до самыхъ изображеній *добраго пастыря* на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ: то они ничѣмъ не отличаются отъ древняго типа пастуха, какой сложился въ самую лучшую эпоху греческаго искусства. Это прекрасный, еще безбородый юноша (кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній), согласно съ словами блаженнаго Августина, который говоритъ, что юность Божественнаго Пастыря вѣчна... волосы короткіе, взглядъ исполненный любви и нѣжности, — одежда его — короткая туника, опоясанная вобругъ чреселъ, а иногда еще подъ мышцами, и украшенная повязками пурпуроваго цвѣта.... иногда она накрыта еще небольшимъ плащемъ. Обувь его состоитъ изъ сѣтчатои повязки; впрочемъ обувь его допускаетъ довольно много варіацій. Голова всегда почти обнаженная, только въ видѣ исключенія иногда бываетъ покрыта шляпою съ широкими полями, или лучистымъ вѣнцемъ, или же имѣетъ надъ собою монограмму Христову — символическій способъ для выраженія тождественности пастыря съ Божественнымъ Искупителемъ людей, или же окружена сіяніемъ и вѣнцемъ изъ семи звѣздъ. Но главными и почти неизмѣнными его атрибутами служатъ пастушескій посохъ, сосудъ для молока и флейта о семи ладахъ.

Археологи, рассматривая символическія изображенія пастыря на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, находятъ, что въ этихъ изображеніяхъ можно шагъ за шагомъ слѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ евангельской притчи о *добрѣмъ пастырѣ*. Всѣ эти изображенія безъ всякаго труда можно подвести подъ извѣстные классы сообразно съ разными ступенями постепеннаго развитія притчи о добромъ пастырѣ. Такъ прежде всего можно видѣть пзоб-

раженіе пастыря, скорбящаго о заблудившейся овцѣ своей и готоваго отправиться въ путь, чтобы отыскать ее. Чувства печали и грусти, по древнему обычаю, выражаются пастыремъ рукою, приложенною къ головѣ своей. Потомъ представляются изображенія пастыря въ моментъ самаго отправления: пастырь держитъ на сворѣ собаку и снимаетъ съ дерева свою пастушескую котомку.... Вотъ онъ уже въ дорогѣ, — онъ уже много мѣстъ обошелъ, отыскивая свою дорогую овцу, и присѣлъ отдохнуть отъ усталости; предъ нимъ его вѣрный спутникъ — собака, которая смотритъ на своего хозяина глазами преданности и тѣмъ какъ бы сочувствуетъ его усталости и душевной скорби о заблудшей овцѣ.

Но самыя обыкновенныя и самыя употребительныя изображенія пастыря, какія только встрѣчаются на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, это — тѣ, въ которыхъ представляется, что пастырь, наконецъ, отыскалъ пропавшую овцу и возложилъ ее на свои плеча, чтобы отнести во дворъ овчій. Въ этомъ случаѣ *добрый пастырь* почти всегда изображается между двумя деревьями, изъ которыхъ на каждомъ представляется по птицѣ. Чувства искренней любви и свѣтлой радости, вмѣстѣ съ чувствами удовлетворенной ревности, одушевляютъ лице *добраго пастыря*, и такимъ образомъ представляютъ самый осязательный переводъ извѣстныхъ словъ изъ евангельской притчи: «нашедши свою пропавшую овцу, сказано здѣсь, хозяинъ возьметъ ее на плеча свои съ радостію и пришедши домой созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною: я нашелъ свою пропавшую овцу» (Лук. гл. 15). Какъ на образчикъ подобныхъ изображеній, укажемъ на изображеніе *добраго пастыря*, изваянное изъ бѣлаго мрамора, и хранящееся теперь въ латранскомъ музеѣ. Ученые находятъ, что нельзя представить себѣ ничего столь совершеннаго въ

этомъ родѣ,—можно сказать, что вся христіанская древность не произвела ничего болѣе прекраснаго и поучительно-трогательнаго, кромѣ этого изображенія, рисунокъ котораго мы прилагаемъ здѣсь.

Всмотритесь въ это юное лице пастыря, исполненное такой глубокой и кроткой радости,—всмотритесь, съ какою теплою и нѣжною любовію держитъ онъ на своихъ плечахъ пропавшую, но обрѣтенную имъ овцу,—всмотритесь и посудите сами, что можетъ еще такъ наглядно и рѣшительно выражать отношеніе Сына Божія къ падшему человѣку, котораго Онъ приходилъ извлечь изъ бездны грѣха и путемъ Голгофы вознести его на своихъ раменахъ въ небесное отечество, подобно пастырю, обрѣтшему свою пропавшую овцу!

Далѣе, замѣтимъ, что когда *добрый пастырь* изображается на древне-христіанскихъ археологическихъ памятникахъ съ овцою на плечахъ, съ посохомъ и собакою, или безъ того и другой, то вдали всегда виднѣется овчарня, къ которой онъ и направляетъ свой путь, и подлѣ которой лежатъ двѣ овцы, по видимому, ожидающія его возвращенія. Но вотъ, наконецъ, *добрый пастырь* возвратился изъ своего путешествія: тогда онъ изображается обруженнымъ стадомъ овецъ (которое представляется въ этомъ случаѣ, по брай-

ней мѣрѣ, состоящимъ изъ двухъ), которыя съ невыразимою ласкою устремляютъ на него глаза свои,—и счастливое возвращеніе пастыря выражается однимъ или нѣсколькими молочными сосудами, стоящими на землѣ, на которыя положенъ посохъ, отселѣ уже ненужный ему.

Точно также, на памятникахъ древне-христіанскаго искусства олицетворяется въ образахъ и другая евангельская притча о *добромъ пастырѣ* (Іоан. гл. 10), въ которой Божественный Учитель перечисляетъ свойства и обязанности добраго пастыря. Такъ представляется изображеніе овчарни, изъ которой выходятъ овцы и направляются къ пастырю; послѣдній стоитъ, полуобратившись къ нимъ и какъ бы зоветъ ихъ къ себѣ, что прямо напоминаетъ слова евангельской притчи: *и овцы гласъ его слышатъ, и свои овцы глашаетъ по имени.... и овцы по немъ идутъ, яко видятъ гласъ его*. Овчарня какъ здѣсь, такъ и въ большей части другихъ изображеній, въ которыхъ воспроизводится тотъ же сюжетъ, имѣетъ форму храма, фасада котораго украшенъ двумя колоннами и фронтономъ, чтобы указать чрезъ то на мистическое значеніе овчаго двора, который на памятникахъ христіанскаго искусства служилъ образомъ Церкви, такъ какъ въ *Апостольскихъ Постановленіяхъ* сказано, что Церковь Божія *подобна не только кораблю, но и двору овчему* ¹⁾. Потомъ можно указать на изображенія стада овецъ, находящихся на самомъ мѣстѣ пастбища,—при этомъ пастырь или, опершись на свой посохъ, играетъ въ пастушескій рожокъ, или просто стоитъ и съ любовію назираетъ за стадомъ, или же, наконецъ, сидитъ въ положеніи безмолвнаго созерцанія и кроткаго, спокойнаго удовольствія,—а иногда, наклонившись на посохъ, пастырь знаками руки какъ бы благословляетъ своихъ овецъ,

¹⁾ Liber II. cap. 77.

изображенныхъ рядами на покатости горы. При такой постановкѣ пастыря на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ образъ его дѣлается особенно живымъ и одушевленнымъ образомъ, который безъ словъ говорить каждому: *Азъ есмь пастырь добрый и знаю моя (овцы), и знаютъ мя моя.... и душу мою полагаю за овцы....*

Кромѣ того, *добрый пастырь* иногда изображается на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ посреди двѣнадцати апостоловъ, изъ которыхъ каждый у ногъ своихъ имѣетъ овцу. Археологи находятъ, что подобныя изображенія служили наглядною проповѣдію о той ревности, съ которою пастыри душъ должны исполнять свое служеніе мира и милосердія.... Образъ пастыря еще довольно часто встрѣчается въ срединѣ эмблемъ четырехъ временъ года—съ цѣлію показать чрезъ это постоянную заботливость добраго пастыря пасти своихъ овецъ посредствомъ многообразныхъ способовъ на различныхъ мѣстахъ, смотря по удобству временъ года.

Наконецъ, почти неотъемлемою принадлежностію *добраго пастыря* въ изображеніяхъ его на памятникахъ христіанскаго искусства служила, какъ мы замѣтили выше, пастушеская фляга, или рожокъ о семи ладахъ, съ какимъ обыкновенно изображались пастухи въ языческой древности. Этотъ пастушескій рожокъ изображается или въ рукѣ добраго пастыря, или виситъ у него съ боку на ременной перевязи, или же лежитъ подлѣ него. Этотъ инструментъ, которымъ пастухи пользовались для созыванія своихъ стадъ въ овчарню, рано былъ принятъ святыми отцами Церкви для символическаго выраженія нравственнаго воздѣйствія духовнаго пастыря на человѣка. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на св. Григорія, который послѣ того, какъ описалъ всю тревогу и безпокойство пастуха при разсѣяніи своего стада и нѣжную заботливость его собрать разсѣяв-

шихся овецъ,—послѣ того, какъ онъ сказалъ, что пастухъ для этого входитъ на возвышеннѣйшее мѣсто и наполняетъ воздухъ до того жалобными, меланхолическими звуками своей пастушеской свирѣли, что собираетъ всѣхъ разбѣянныхъ овецъ своихъ,—послѣ этого замѣчаетъ, что подобно этому примѣру пастуха и духовный пастырь для призыванія къ Богу души человѣческой долженъ употреблять чаще флейту, чѣмъ пастушескій жезлъ, т. е. способъ кроткаго вразумленія и исполненнаго любви совѣта, а не путь крутыхъ, жестокихъ мѣръ принужденія ¹⁾).

О РАЗВИТІИ ВОЛИ У ДѢТЕЙ ²⁾

II) Сила воли состоитъ не въ томъ, чтобы каждое, возникшее въ насъ желаніе, во что бы то ни стало, приводить въ исполненіе. Это сила животная, разрушительная, сила кулачнаго права, противная всему строю общественной жизни и всѣмъ началамъ нравственности. Нормальная сила воли состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ умѣлъ обуздывать свои желанія, чтобы онъ не желалъ ничего невозможнаго для себя, что питаетъ только мечтательность, а равно ничего хотя и возможнаго, но противнаго благу общему; за то, коль скоро возникнетъ въ немъ желаніе, ■ возможное для осуществленія и согласное съ началами нравственности и съ общимъ благомъ, чтобы онъ умѣлъ твердо и неуклонно приводить его въ исполненіе. И здѣсь также система естественныхъ наказаній имѣетъ великое значеніе. Давая дитяти каждый разъ чувствовать вредныя послѣдствія, естественно вытекающія изъ его дурныхъ поступковъ, она при-

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chretiennes, par M. l'abbé Martigny, 1865. p. 513-516. l'art. Pasteur... l'art. Syrix pag. 629-630. ²⁾ См. № 39—й.

участь его обуздывать свои желанія и различать желанія возможные для осуществленія отъ невозможныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы родители были вполне послѣдовательны по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Дитя начинаетъ владѣть руками значительно раньше, чѣмъ говорить, и движенія рукъ, сопровождаемыя нѣкоторыми звуками голоса, служатъ для него, между прочимъ, средствомъ выраженія желаній. Онъ протягиваетъ руку къ такой вещи, которая ему понравилась, выражая протягиваніемъ руки желаніе взять эту вещь. Здѣсь-то, въ это самое раннее время возраста дитяти и должна начаться систематическая послѣдовательность родителей въ позволеніяхъ и запрещеніяхъ. Само собой понятно, что дитяти можно позволить брать только такія вещи, которыя онъ въ силахъ взять и осмотрѣть и которыя не могутъ быть ни ему вредны, ни имъ испорчены. Родители, какъ только замѣтили, что дитя начинаетъ уже движеніями рукъ выражать свои желанія, должны точно опредѣлить, какія вещи можно давать ему и какихъ нельзя, и потомъ неуклонно придерживаться этого распредѣленія. Родители должны быть внимательны къ желаніямъ ребенка и, коль скоро онъ протягиваетъ руку къ такой вещи, которую можно ему дать, исполнять его желаніе, потому что это желаніе выражаетъ собою постепенное развитіе умственныхъ способностей ребенка, усиливающуюся въ немъ потребность знакомиться съ предметами внѣшняго міра. Если не исполнить такого желанія дитяти, оно начинаетъ плакать, что служитъ выраженіемъ возникающаго въ немъ непріятнаго чувства и вмѣстѣ средствомъ сосредоточить вниманіе взрослыхъ на его желаніи. Если же при этомъ, вмѣсто удовлетворенія своего желанія, дитя получаетъ отъ взрослыхъ брань или ударъ, то въ немъ является злое чувство — ожесточеніе, которое, при повтореніи подобныхъ случаевъ, усиливается. Потому-то мы и говоримъ, что всякое желаніе

дитяти, возможное для исполненія и служащее выраженіемъ естественной любознательности, непремѣнно должно быть исполняемо. Другое дѣло, если дитя желаетъ взять такую вещь, которая можетъ быть вредна для него или испорчена имъ и которую вообще, по мнѣнію родителей, ему не слѣдуетъ давать, тогда не должно давать ему эту вещь, не смотря ни на какой его плачь. Если же плачь принимаетъ размѣры, опасные для здоровья дитяти, то нужно искусно отвлечь его вниманіе отъ желаемой имъ вещи къ другому предмету, что всегда удастся опытной и любящей матери. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ уступать плачу дитяти, потому что стоитъ два, три раза сдѣлать такъ, и дитя пойметъ, что если не прямымъ выраженіемъ своего желанія, то плачемъ и крикомъ оно всегда можетъ достигнуть своей цѣли, и сдѣлается капризнымъ. И здѣсь весьма во многихъ случаяхъ существенную пользу можетъ принести система естественныхъ наказаній и притомъ не только для правильнаго развитія воли, но и для предотвращенія дитяти отъ серьезныхъ опасностей. Возьмемъ наприм. такой случай: дитя, научившееся уже владѣть руками, но еще не умѣющее ни говорить, ни ходить, протягиваетъ ручку къ пламени свѣчи, или къ кипящему самовару, чтобы взять, или по крайней мѣрѣ осязать этотъ блестящій предметъ. Его останавливаютъ крикомъ, иногда ударомъ, пусть даже строгимъ запрещеніемъ. Смысла всѣхъ этихъ способовъ запрещенія дитя не понимаетъ, а понимаетъ только, что ему запрещаютъ дотронуться до вещи, которая ему понравилась. Ему говорятъ: ты обожжешься; но дитя не понимаетъ значенія этого слова, оно представляется ему пустымъ звукомъ, потому что у дитяти нѣтъ еще представленія о дѣйствительномъ ожогѣ. Такія запрещенія повторяются неоднократно, но дитя все-таки не понимаетъ дѣйствительной причины ихъ, и приписываетъ ихъ произволу взрослыхъ

и сердится, вслѣдствіе чего желаніе дотронуться до этихъ блестящихъ и запрещенныхъ для него предметовъ усиливается до высшей степени. Наконецъ дитя подросло и выучилось ходить. И вотъ въ одинъ прекрасный день, будучи на нѣсколько минутъ оставлено одно въ комнатѣ, гдѣ топится печка или кипитъ самоваръ, оно исполняетъ свое давнее желаніе, т. е. лѣзетъ въ печку и дотрогивается до пламени, или начинаетъ ощупывать самоваръ, отъ чего въ первомъ случаѣ загорается его платье, а во второмъ самоваръ опрокидывается и обливаетъ его кипяткомъ, и въ обоихъ случаяхъ дитя получаетъ смертельный ожогъ. Это послѣдствіе легко можетъ быть предотвращено, если родители будутъ съ самаго начала слѣдовать системѣ естественныхъ наказаній. Дитя тянется къ пламени свѣчи, или къ горячему самовару. Предупредите его, что оно обожжется, но не мѣшайте ему испытать дѣйствіе ожога на самомъ дѣлѣ, разумѣется наблюдая, чтобы ожога не была слишкомъ значительна и опасна для здоровья дитяти. Повторится два, три такихъ опыта и въ умѣ дитяти составитъ ясное, на дѣйствительномъ опытѣ основанное понятіе объ ожогѣ, и вы можете быть спокойны, что дитя, выучившись со временемъ ходить, не полѣзетъ въ печку и не будетъ трогать горячій самоваръ. Такимъ путемъ можетъ быть предупреждено множество несчастныхъ случаевъ съ дѣтьми. Сверхъ того, при такомъ способѣ воспитанія, дитя съ малолѣтства пріучается обдумывать послѣдствіи исполненія своихъ желаній, различать желанія возможные для исполненія отъ невозможныхъ и обуздывать послѣднія, слѣд. пріучается къ *самообладанію*. Наконецъ въ этомъ способѣ воспитанія заключается самое дѣйствительное и разумное средство сдѣлать дѣтей *послушными*. Дитя, часто испытывая вредныя послѣдствія отъ тѣхъ дѣйствій, прежде совершенія которыхъ родители предупреждали его о неизбѣжности вредныхъ

послѣдствій, непремѣнно сдѣлается внимательнымъ къ предостереженіямъ родителей и послушнымъ совѣтамъ ихъ. Въ этомъ случаѣ послушаніе будетъ слѣдствіемъ не страха гнѣва родителей, а основаннаго на опытѣ довѣрія къ нимъ. Сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ дитя, такъ воспитанное, будетъ съ такимъ же довѣріемъ относиться къ совѣтамъ болѣе опытныхъ и умныхъ людей, съ какимъ въ дѣтствѣ оно относилось къ совѣтамъ родителей. Таковы благотворныя послѣдствія системы естественныхъ наказаній! Пусть дитя возможно чаще, когда только не предстоитъ серьезной опасности для его здоровья, собственнымъ опытомъ познаетъ вредныя послѣдствія необдуманныхъ поступковъ и непослушанія. Полезно даже искусственно ставить дитя въ такое положеніе, чтобы оно въ случаяхъ незначительныхъ могло испытать вредныя послѣдствія непослушанія и необдуманности. Тогда можно быть увѣреннымъ, что потомъ и въ случаяхъ серьезныхъ и важныхъ такъ воспитанное дитя будетъ дѣйствовать обдуманно, съ самообладаніемъ, и будетъ внимательно къ разумнымъ совѣтамъ.

Люди состоятельные могутъ возразить, что нѣтъ надобности, слѣдуя системѣ естественныхъ наказаній, подвергать дитя болѣзненнымъ и опаснымъ опытамъ, такъ какъ за ребенкомъ будетъ постоянно слѣдить нянька, а потомъ разные гувернеры и надзиратели, и не допускать его совершать вредныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи ясно различать вредныя дѣйствія отъ полезныхъ. Это возраженіе напоминаетъ древнюю греческую басню о томъ, какъ человѣкъ, подвергшійся при первомъ опытѣ купанья опасности утонуть, далъ себѣ слово не купаться до тѣхъ поръ, пока не выучится плавать, какъ будто можно выучиться плавать не купаясь. Люди, до зрѣлаго возраста находившіеся подъ неусыпной опекой няньки и разныхъ надзирателей, никогда не будутъ въ состояніи

обдумывать свои дѣйствія и соразмѣрять ихъ съ послѣдствіями, никогда не приобрѣтутъ способности самообладанія, которая однако составляетъ главнѣйшую цѣль развитія воли. Человѣкъ, такъ фальшиво воспитанный, подвергается той самой опасности, которой въ нашемъ примѣрѣ подвергся ребенокъ, залѣзшій въ печь. Не будучи постепенно приученъ съ благоразуміемъ и самообладаніемъ пользоваться свободою своихъ дѣйствій и соразмѣрять дѣйствія съ ихъ послѣдствіями, онъ, вырвавшись наконецъ изъ подъ продолжительной опеки на свободу, можетъ совершить такое дѣйствіе, которое погубитъ его навсегда. Во всякомъ случаѣ такой человѣкъ, въ зрѣломъ возрастѣ, когда онъ долженъ уже дѣйствовать твердо и положительно, будетъ подвергаться тѣмъ опытамъ, которые должны бы были еще въ малолѣтствѣ научить его самообладанію.

Благія послѣдствія влечетъ за собою система естественныхъ наказаній и при дальнѣйшемъ возрастѣ дитяти, когда оно научилось уже говорить и ходить. Рѣчь есть нормальное выраженіе желаній, а хожденіе есть средство для удовлетворенія желаній. Въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы дѣти своевременно, т. е. не поздно, а возможно раньше, научались ходить и говорить. Съ возрастомъ дитяти, его знакомство съ предметами вѣшняго міра увеличивается, а соотвѣтственно этому и желанія его расширяются. Ему хочется перейти съ мѣста на мѣсто, достать и осмотрѣть ту или другую вещь, между тѣмъ оно не можетъ не только исполнить своего желанія, но даже выразить его словами. Въмѣсто словъ оно выражаетъ свои желанія знаками, но взрослые уже не такъ внимательны къ подростшему нѣсколько ребенку, какъ прежде-въ раннее время его младенчества. Они не замѣчаютъ знаковъ дитяти и не исполняютъ его желанія. Тогда дитя начинаетъ сердиться и плакать, чѣмъ заставляетъ взрослыхъ обратить

на него вниманіе и исполнить его желаніе. При частомъ повтореніи такихъ опытовъ дитя постепенно дѣлается капризнымъ и упрямымъ. Желанія его увеличиваются и усложняются, и взрослые начинаютъ тяготиться исполненіемъ его желаній. А дитя становится все упрямѣе и капризнѣе. Такимъ именно путемъ воспитываются тѣ изнѣженные и болѣзненно-капризные люди, жизнь которыхъ нерѣдко становится въ тягость и имъ самимъ и окружающимъ ихъ, особенно подчиненнымъ. Если дитя рано начинаетъ ходить и говорить, высказывать свои желанія и, на сколько это доступно ему, исполнять ихъ, то въ этомъ случаѣ нужно дѣйствовать съ такою же послѣдовательностью, какъ и въ раннюю пору младенчества, только расширяя эту послѣдовательность по мѣрѣ большаго и большаго развитія въ дитяти любознательности и стремленія знакомиться съ окружающими его предметами. Не нужно слишкомъ ограничивать желанія дитяти. Всякое его желаніе, возможное для исполненія и служащее выраженіемъ естественной дѣтскому возрасту любознательности, должно быть исполняемо. Конечно, это трудно для взрослыхъ, потому что требуетъ отъ нихъ постоянного вниманія къ желаніямъ и дѣйствіямъ дитяти. Но что же дѣлать? Воспитаніе дѣтей должно быть главнымъ и священнѣйшимъ дѣломъ жизни родителей и вообще людей, обязанныхъ заботиться о воспитаніи дѣтей. Если чувствуешь себя неспособнымъ исполнять эту дѣйствительно трудную обязанность, не бери ее на себя; но коль скоро взялъ, исполняй добросовѣстно, потому что это одна изъ самыхъ высокихъ и священныхъ обязанностей какъ предъ Богомъ, такъ и предъ обществомъ. Если ребенокъ передвигаетъ стулья, взлѣзаетъ на нихъ, трогаетъ и переставляетъ вещи, снимаетъ и надѣваетъ свою одежду, переливаетъ воду и т. п.,—все это и подобное не нужно запрещать ему, потому что иначе что же ему останется дѣлать? А

между тѣмъ укрѣпляющіеся члены его тѣла требуютъ дѣятельности, а развивающаяся любознательность ищетъ для себя все новой и новой пищи. Запрещенія должны быть ограничены только вещами цѣнными и такими дѣйствіями, которыя могутъ быть опасны для здоровья и жизни дитяти. Нѣкоторыхъ дѣйствій дитя не будетъ совершать уже потому, что въ предыдущій—ранній періодъ младенчества испытало вредныя послѣдствія отъ этихъ дѣйствій, и по той же причинѣ не будетъ брать нѣкоторыхъ предметовъ. Теперь же, съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ по пути развитія, дающимъ дитяти возможность совершать болѣе общпрныя и разнообразныя дѣйствія, чѣмъ прежде, и брать большее и большее число предметовъ, строго должны быть отдѣляемы родителями тѣ предметы, до которыхъ дитя не должно касаться, и тѣ дѣйствія, которыхъ оно не должно совершать. Но въ этомъ случаѣ запрещенія должны быть ненарушимы. Итъ ничего хуже, какъ если одно и тоже дѣйствіе то дозволяется дитяти и даже одобряется, то запрещается родителями, смотря по расположенію духа ихъ въ данную минуту. Наприм. дитя въ первый разъ взобралось на столъ, родители приходятъ въ восторгъ отъ его искуства и не запрещаютъ ему рыться между находящимися на столѣ вещами. Съ представленіемъ о столѣ и вещахъ, находящихся на немъ, соединяется у дитяти чувство удовольствія, испытанное имъ при взлѣзаніи на столъ и перебираніи разныхъ вещей на немъ. Вслѣдствіе того дитя повторяетъ эти дѣйствія въ другой и третій разъ. Но вотъ дитя испортило одну изъ вещей, находившихся на столѣ. Родители набрасываются на него съ крикомъ и бранью, а нерѣдко и съ побоями. Дитя совершенно не понимаетъ, почему пріятное дѣйствіе, дозволяемое и даже поощряемое родителями прежде, теперь вдругъ сдѣлалось запретнымъ для него. Оно приписываетъ гнѣвъ и побои родителей личному ихъ произволу

п, хотя слушается ихъ, т. е. не лазить болѣе на столъ, но это послушаніе—рабское и трусливое, послушаніе слабаго существа изъ опасенія гнѣва сильнаго. Другое дѣло, если бы родители, напередъ опредѣливши кругъ вещей и дѣйствій, недоступныхъ для дитяти, спокойно, но строго послѣдовательно воспрещали эти дѣйствія, въ тоже время не только позволяя, но и помогая ему совершать дѣйствія, доступныя для него. Тогда запрещеніе и позволеніе сдѣлалось бы для дитяти яснымъ и опредѣленнымъ понятіемъ, соединеннымъ съ представленіемъ извѣстныхъ вещей и дѣйствій, особенно если прежде, въ случаяхъ незначительныхъ, дитя уже испытывало вредныя послѣдствія отъ запрещенныхъ родителями дѣйствій.

Путемъ такого строго послѣдовательнаго воспитанія укрѣпляется въ дитяти то разумное послушаніе, которое еще раньше образовалось въ немъ на основаніи довѣрія къ предостереженіямъ родителей. Этимъ же путемъ дитя съ малолѣтства узнаетъ, что есть желанія исполнимыя и неисполнимыя и пріучается обуздывать и подавлять послѣднія. Такимъ образомъ предотвращается развитіе въ немъ своеволія и болѣзненнаго упрямства, напротивъ развивается въ немъ способность самообладанія. Съ другой стороны, безпрекословно позволяя дитяти исполнить все желанія, которыя могутъ быть исполнены безъ вреда какъ для него самаго, такъ и для окружающихъ его предметовъ, родители тѣмъ самымъ содѣйствуютъ развитію въ немъ *самостоятельности* и *свободы* дѣйствій. Въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы дитя съ малолѣтства пріучалось само, безъ помощи другихъ, совершать возможно большее количество дѣйствій. Помогать ему нужно только въ крайнемъ случаѣ, т. е. когда оно само никакъ не можетъ исполнить своего желанія, которое однакожь возможно для исполненія, особенно если это желаніе вытекаетъ изъ любознательности

дитяти, изъ стремленія его ознакомиться съ какимъ нибудь новымъ предметомъ. Но въ этомъ случаѣ непременно нужно исполнять желаніе дитяти, не доводя до того, чтобы въ немъ, вслѣдствіе неисполненія законнаго и разумнаго желанія, явилось непріятное чувство и выразилось слезами. Особенно же важно приучать дитя съ малолѣтства къ тому, чтобы оно само удовлетворяло всѣмъ своимъ первымъ жизненнымъ потребностямъ, чтобы приучалось умываться, одѣваться, спать и прибирать свою постельку и т. п. безъ помощи другихъ. Нѣтъ ничего хуже для развитія силы воли, какъ приучать дитя пользоваться услугами другихъ людей, при удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни. Черезъ это въ дитяти подрывается уваженіе и любовь къ труду и оно дѣлается изнѣженнымъ, вялымъ и неспособнымъ къ энергической и устойчивой дѣятельности.

Воспитанное такимъ образомъ дитя, вступивши со временемъ въ общественный кругъ сверстниковъ, будетъ и здѣсь дѣйствовать сообразно съ привычками, приобретенными имъ въ раннюю пору дѣтства, когда его дѣятельность ограничивалась только окружающими его неодушевленными предметами. Оно будетъ ограничивать свои желанія только возможнымъ, но желанія, возможные для исполненія, будетъ приводить въ исполненіе съ энергіей. Но здѣсь именно наступаетъ пора для приученія дитяти къ большому ограниченію желаній, къ дальнѣйшему развитію въ немъ способности самообладанія. Дѣло въ томъ, что есть желанія, хотя и возможные для исполненія, но противныя благу другихъ людей. Вотъ эти-то желанія и нужно приучать дитя подавлять въ себѣ на первыхъ же порахъ вступленія его въ общество сверстниковъ. Послѣ, когда въ дитяти укоренится привычка дѣйствовать во вредъ другимъ людямъ, коль скоро это возможно, уже поздно будетъ отучать его отъ этого. Привыкнуши съ малолѣтства дѣйствовать

такимъ образомъ, дитя, сдѣлавшись потомъ взрослымъ, чело-
вѣкомъ, будетъ вреднымъ членомъ общества и даже легко
можетъ дойти до преступленій. Мы даже увѣрены, что боль-
шая часть преступленій въ корнѣ своемъ основывается на
этомъ недостаткѣ воспитанія.

Въ заключеніе всего, сказаннаго нами о развитіи воли
въ дѣтяхъ, замѣтимъ, что оба коренныя качества воли:
силу и доброту—необходимо развивать одновременно и со-
размѣрно. Чрезмѣрное развитіе перваго качества безъ по-
слѣдняго даже вреднѣе, чѣмъ сильное развитіе послѣдняго
безъ перваго. Человѣкъ, имѣющій прекрасныя желанія, но
не имѣющій силы воли привести эти желанія въ исполне-
ніе, конечно бесполезенъ для общества, но и *безвреденъ*.
Наоборотъ человѣкъ, имѣющій сильную волю, но съ жела-
ніями злыми, разрушительными для общественнаго блага,
приноситъ обыкновенно много вреда обществу.

II. P.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Священная исторія ветхаго завета. Сочин. Н. А.
Тула. 1870 (70 стр.). ¹⁾.

Въ послѣднее время у насъ такъ много издано разныхъ
священныхъ исторій, что всякая вновь появляющаяся мо-
жетъ обратить на себя вниманіе только или крайними не-
достатками своимъ, или же особенными достоинствами срав-
нительно съ другими. Въ первомъ случаѣ обязанность биб-
ліографа предостеречь кого нужно отъ непроизводительной

¹⁾ Цѣна безъ пересылки 17 к., а съ почтовою пересылкою
20 к. Продается въ Тулѣ: въ редакціи епархіальныхъ вѣдомостей
и у тульскихъ книгопродавцевъ С. И. Титова и П. И. Панте-
лѣва.

затраты денегъ, а въ послѣднемъ — не позволить хорошей книги пропадать безслѣдно. Въ настоящій разъ мы имѣемъ пріятную обязанность указать на такую священную исторію, которая по своимъ достоинствамъ должна быть известна законоучителямъ въ сельскихъ школахъ.

Такъ какъ при составленіи священной исторіи матеріалъ, содержаніе готовы, берутся изъ положительнаго источника; то забота составителя должна сосредоточиваться на выборѣ предметовъ и изложеніи ихъ, отъ достоинствъ или недостатковъ которыхъ и зависить значеніе авторскаго труда. И въ выборѣ предметовъ и въ изложеніи ихъ составитель указанной нами священной исторіи ясно показалъ, что онъ взялся за *свое* дѣло, что оно ему сподручно.

Въ первой половинѣ своей священной исторіи составитель строго держится, въ расположеніи событій, порядка библейскаго; не опускаетъ ни одного событія и даже съ его подробностями, которыя въ послѣднее время почему-то оказываются лишними по соображеніямъ нѣкоторыхъ законоучителей и въ ихъ запискахъ по закону Божію не имѣютъ мѣста. Таковы подробности напримѣръ — въ разсказѣ объ Іосифѣ — о снахъ его, снахъ Фараона, и о путешествіи братьевъ Іосифа въ Египетъ, въ разсказѣ объ исходѣ евреевъ изъ Египта » о казняхъ египетскихъ«, и т. п. Составитель, давши подробностямъ священно-историческихъ разсказовъ мѣсто въ своей, не большой по объему, книжкѣ, поступилъ вполне педагогично и цѣлесообразно, такъ какъ не забылъ того, что составляетъ священно-историческіе разсказы для дѣтей. Не опустилъ онъ, по порядку библейскихъ сказаній, и такихъ событій, которыя въ послѣднее время, въ подобныхъ книжкахъ для дѣтей, или совсѣмъ выбрасываются — какъ будто бы соблазнительныя для сихъ послѣднихъ, или же маскируются подъ разными благовидными образами, какъ напримѣръ искушеніе цѣломудрія Іосифова же-

ною царедворца Пентефрія, отпятие Давидомъ жены у Урія и т. п. О подобныхъ событіяхъ составитель не умолчалъ, но передалъ ихъ строго библейскимъ тономъ, и можно съ увѣренностію сказать, что читая ихъ невинныя дѣти не соблазнятся ими. Въ этомъ случаѣ онъ показалъ рѣдкую педагогическую способность передавать дѣтямъ такія вещи, какія по видимому преждевременно знать имъ. Во второй половинѣ своей священной исторіи составитель уже не держится строго библейскаго порядка, а дѣлаетъ выборъ событий, и подробностей нѣкоторыхъ изъ нихъ не излагаетъ. Когда избранный народъ еврейскій образуетъ собою государство, то жизнь его отъ сношенія съ сосѣдними народами усложняется, и самыя средства, какія Господь употреблялъ для приготовленія его къ достойному принятію Обѣтованнаго Искупителя, разнообразятся. Вслѣдствіе всего этого подробныя и полныя разсказы о всѣхъ событіяхъ, бывшихъ во времена царей и послѣ нихъ, не подъ силу дѣтской головѣ, дѣтскому вниманію. Свѣденія о жизни народа еврейскаго во времена царей и послѣ нихъ должны имѣть мѣсто въ священной исторіи для дѣтей на столько, на сколько то нужно для показанія и уясненія имъ того, какъ Господь приготовлялъ избранный народъ и всѣхъ людей вообще къ принятію Искупителя, на столько-на сколько то нужно для того, чтобы дѣти могли понимать повозвѣстную исторію. Потому совершенно основательно составитель въ исторіи царей съ особеннымъ вниманіемъ останавливается только на такихъ личностяхъ, какъ цари-Давидъ и Соломонъ, какъ пророки — Ілія, Елисей, Іона, на такихъ событіяхъ, какъ раздѣленіе царства еврейскаго на израильское и іудейское, завоеваніе царства израильскаго Салманассаромъ; а въ исторіи народа послѣ временъ царей обращаетъ вниманіе только на такія событія, какъ плѣненіе вавилонское, состояніе іудеевъ въ этомъ плѣну, возвращеніе ихъ изъ плѣна, со-

зданіе втораго храма, гоненіе Антіоха, и на такія лица, какъ пророкъ Даніилъ, Мардохей и Есфирь. Достаточно знакомства съ этими лицами и этими событіями, чтобы понять тѣ пути, которыми велъ Господь избранный народъ къ опредѣленной цѣли, чтобы приготовить дѣтей къ слушанію и пониманію новозавѣтной исторіи. Подробности въ усложнившемся дѣлѣ домостроительства нашего спасенія, въ государственной и общественной жизни не одного только избраннаго, а и сосѣднихъ народовъ, могутъ только затемнять дѣтскія понятія о сущности дѣла, скрывать отъ дѣтей главную и руководительную мысль, которая должна прочно напечатлѣваться въ ихъ сознаніи. Вообще въ выборѣ предметовъ для разсказа составитель разбираемой нами священной исторіи не сдѣлалъ ошибки и показалъ ясное пониманіе дѣла и строгое преслѣдованіе той цѣли, какую онъ себѣ предположилъ. Только въ разсказахъ о временахъ судей онъ допустилъ излишнюю подробность. Жизнь народа еврейскаго во времена судей не имѣетъ особеннаго значенія въ исторіи приготовленія рода человѣческаго къ принятію Обѣтованнаго Искупителя,—и потому излагать подробности событій этого времени нѣтъ нужды. Достаточно двухъ-трехъ фактовъ, чтобы судить и понимать, что это за время было въ исторіи народа еврейскаго, и затѣмъ сдѣлать естественный переходъ ко временамъ царей.

Въ изложеніи своихъ разсказовъ составитель, можно безъ преувеличенія сказать, безукоризненъ. Разказы въ разсматриваемой намъ книжкѣ кратки, ясны, просты и оживленны. Составитель ихъ обладаетъ умѣньемъ въ немногихъ словахъ сказать сущность дѣла съ оживленіемъ и складно. Языкъ вездѣ чистый, правильный; общій характеръ слога рѣчи—задушевность и пріятность, и тонъ библейскій. Намъ много приходилось пересматривать и перечитывать разныхъ священныхъ исторій, и пространныхъ и

братнихъ; но ни одна ихъ нихъ не вызвала къ себѣ тако-
го сочувствія, какъ эта и по характеру и тону рѣчи, и по
ясности, точности и оживленности изложенія. Чтобы ви-
дѣть, какъ авторъ умѣетъ точно и ясно выражать понятія,
мы приведемъ текстъ его рѣчи, гдѣ онъ говоритъ о значе-
ніи ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній и текстъ рѣчи о томъ
же предметѣ—изъ другой книжки, имѣющейся у насъ подъ
руками. Вотъ какъ говоритъ авторъ разбираемой книжки:
»Жертвоприношенія должны были возобновлять и укрѣплять
въ людяхъ вѣру и надежду на Спасителя, доколѣ Онъ самъ
не придетъ и не принесетъ Себя въ жертву за грѣхи всѣхъ
людей« (стр. 2). А вотъ какъ говорится объ этомъ же
предметѣ въ другой книжкѣ, тоже предназначаемой для дѣ-
тей начальныхъ школъ: »Жертва въ ветхомъ заветѣ имѣ-
ла двоякое значеніе—*умилостивительное и поучительное*.
Съ одной стороны, принося жертвы, люди, по вѣрѣ въ бу-
дущую жертву, которую долженъ былъ принести Христосъ
Спаситель нашъ на крестѣ и которую прообразовали (предъ-
изображали) всѣ жертвы вѣтхозавѣтныя, надѣялись полу-
чать чрезъ нихъ прощеніе и очищеніе грѣховъ и умилости-
вить Бога, прогнѣваннаго беззаконіями,—съ другой стороны,
проливая кровь приносимыхъ въ жертву животныхъ, дол-
жны были видѣть въ этомъ, что праведный гнѣвъ Божій,
возбуждаемый человѣческими грѣхами, не иначе можетъ
быть утоленъ, какъ только самыми тяжкими страданіями,
подобными тѣмъ, какимъ подвергалось приносимое въ жер-
тву животное. Въстѣ съ тѣмъ, пролитіе крови при жертво-
приношеніи указывало и на то, что нѣкогда самъ Сынъ Бо-
жій долженъ будетъ пролить кровь свою на крестѣ,
чтобы умилостивить Бога, этою жертвою, ко всему
грѣшному роду человѣческому,—и въ томъ—то именно и со-
стояло самое главное значеніе ветхозавѣтныхъ жертвъ, что

онѣ прообразовали страданія Христа Спасителя» ¹⁾. Какая разница въ объясненіи дѣла, — тамъ десять словъ, а здѣсь двадцать строкъ; первыя даютъ ясную, опредѣленную и доступную дѣтскому уму мысль, а послѣднія затемняютъ только смыслъ ребенка. Для примѣра того, какъ складна, пріятна и оживлена рѣчь автора, приведемъ одинъ его рассказъ »о путешествіи израильтянъ до Синаи«. »Перешедши Чермное море, израильтяне вступили въ большую, дикую Аравійскую пустыню, гдѣ не было ни жилья человѣческаго, ни обработанныхъ полей, гдѣ рѣдко встрѣчались деревья и зеленая трава, гдѣ ничего не было видно, кромѣ песку и гдѣ не было ни дорогъ, ни тропинокъ. Въ такой странѣ израильтянамъ было бы трудно путешествовать, еслибъ Господь не указывалъ имъ пути, днемъ столпомъ облачнымъ, а ночью столпомъ огненнымъ, и если бы Господь не явилъ различныхъ чудесъ для сохраненія ихъ. Спусти три дня послѣ перехода черезъ море, пришли они къ источнику, но вода въ немъ была такъ горька, что ее нельзя было пить. Тогда народъ сталъ роптать. Но Моисей помолился, и Богъ указалъ ему дерево, которое онъ долженъ былъ положить въ воду, и она сдѣлалась вкусно для питья. Черезъ мѣсяць по выходѣ изъ Египта у нихъ не стало хлѣба и негдѣ было взять его. Народъ ропталъ на Моисея и Аарона и говорилъ: »лучше бы намъ было погибнуть въ Египтѣ. Тамъ у насъ было мясо въ котлахъ, и хлѣбъ ѣли мы до сыта. Вы привели насъ въ пустыню, чтобы уморить насъ голодомъ«. Тогда Господь послалъ огромныя стада перенелокъ, а поутру выпала мелкая, бѣлая какъ снѣгъ, крупа, которая имѣла вкусъ муки, смѣшанной съ медомъ, и была питательна какъ хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ названъ манною. Каждый израильтянинъ дол-

¹⁾ См. »Записки по предмету Закона Божія« прот. Іоанна Заркевича стр. 46 и 47.

женъ былъ набирать ея столько, сколько нужно было на одинъ день; а кто набиралъ лишнее, у того оставшееся портилось и превращалось въ червей; только на субботу, седьмой день, который былъ посвященъ Богу, и въ который манна не выпадала, они могли собирать ее за день, и тогда она не портилась» и т. д. (стр. 25). Довольно и этой выписки изъ разсказа, чтобы имѣть понятіе о легкости, ясности и правильности рѣчи въ разбираемой нами священной исторіи ветхаго завета.

Принимая во вниманіе указанныя достоинства разбираемой нами книги, доступность ея по цѣнѣ, сочувственно встрѣчаемъ появленіе ея и желаемъ ей успѣшнаго распространенія въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, тѣмъ болѣе, что изданіе этой «исторіи» предпринято редакціею тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей въ пользу тульского училища дѣвицъ духовнаго званія съ тѣмъ, чтобы вся чистая выручка отъ ея распродажи была обращена на это именно училище, весьма нуждающееся въ средствахъ для существованія. Доброе дѣло,—дай Богъ успѣха!

Э—ий.

ОБНАРУЖЕНІЕ ВСЕСВѢТНАГО ОБМАНА.

Въ недавнее время,—оно у всѣхъ у насъ еще на памяти,—вниманіе чуть не цѣлаго міра обращали на себя и занимали вертящіеся столы. Въ то время много было писано, а еще болѣе—говорено по поводу разнообразныхъ дѣйствій, производимыхъ этими столами. Люди разсудительные, не легко увлекающіеся явленіями непонятными и неслишкомъ довѣряющіе разсказамъ другихъ не вѣрили въ чудеса столовъ и называли ихъ фокусами обманщиковъ; но и они не могли обнаружить и показать ясно и для всѣхъ

убѣдительно, что чудодѣйствія столовъ-обманъ; большинство же людей серьезно вѣрили всему, что говорили и писали о вертящихся и стучащихся столахъ и видѣли въ этомъ дѣйствіи, выходящія изъ круга естественныхъ явленій. Теперь оказалось, что вертящіяся, пляшущіе и стучащіе столы, разгадывавшіе якобы прошедшее и предвѣщавшіе будущее—все это обманъ и, при томъ не слишкомъ тонкій обманъ, показавшій, что морочить XIX вѣкъ, приписывающій себѣ многознаніе и называющій себя просвѣщеннѣйшимъ,—не весьма трудное дѣло.

Нѣкто Фолькнеръ англичанинъ, живущій въ Лондонѣ и занимающійся выдѣлкою физическихъ инструментовъ, въ прошедшемъ году объявилъ въ газетахъ, что онъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ приготовлялъ въ огромномъ количествѣ магниты и электрическія батареи единственно съ тою цѣлю, чтобы прятать ихъ подъ полость, внутри стѣнъ, подъ порогами, столами и въ самыхъ столахъ. Онъ хладнобровно, какъ прилично англичанину, какъ будто ничего не сдѣлалъ предосудительнаго, рассказалъ также что у него изготовлялось множество желѣзныхъ и мѣдныхъ проволокъ, служившихъ проводниками электричества, которые полагались подъ коврами и тянулись до оконныхъ рамъ. Помощію этихъ проводниковъ и батарей возбуждались—буженіе, постукиваніе и пляска столовъ. Аппаратъ приводился въ движеніе посредствомъ пуговокъ, помѣщавшихся подъ коврами или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ извѣстномъ тому, кому это нужно было знать, но пезамѣтномъ для постороннихъ. Легкаго давленія на пуговку было достаточно, чтобы пустить въ ходъ фокусъ-покусъ. Точно такимъ же образомъ Фолькнеръ устраивалъ колокольчики, которые вдругъ начинали звонить по всему дому и приводили въ ужасъ людей, приписывавшихъ этотъ звонъ вліянію нечистыхъ духовъ.

Такимъ то чудесамъ вѣрилъ девятнадцатый вѣкъ, тотъ вѣкъ, который сомнѣвался въ дѣйствительности евангельскихъ чудесъ!